

*БЕССОНОВА Татьяна Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Набережночелнинского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета. Автор 77 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4808-0025>

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЗАНСКИХ МЕЩАН В СИСТЕМЕ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (конец XVIII – первая половина XIX века)¹

В статье рассматривается общественная деятельность мещанства города Казани в системе городского управления и самоуправления в конце XVIII – первой половине XIX века. На основе анализа архивных документов, представляющих собой выборные дела, связанные с деятельностью мещан на общественных должностях, исследовано отношение казанского мещанства к публичной службе. Данные документы отложились в фондах Городской думы и Татарской ратуши Национального архива Республики Татарстан. Мещане, как и другие представители городских обывателей, обладали правом участвовать в выборном городском самоуправлении, сфера которого в дореформенное время была достаточно четко поделена между купечеством, занимавшим все значимые должности, и мещанством, находившимся внизу управленческой иерархии, как и цеховые ремесленники. Изучение повседневных практик казанского мещанства в системе городского самоуправления позволяет сделать вывод о противоречивом характере отношения мещан к публичной деятельности. С одной стороны, наблюдается слабая готовность горожан к участию в самоуправлении в связи с некомпетентностью и низким уровнем образования, заметным нежеланием обременять себя общественной деятельностью в ущерб собственным делам, что вызывало постоянные затруднения в наполнении выборных должностей в системе городского управления и самоуправления. С другой стороны, мещане не были равнодушны к вопросам управления городским обществом. Многие из них в течение жизни неоднократно занимали выборные должности, находясь в системе управления в течение длительного времени. Уважительное отношение к общественным должностям, придирчивая позиция общества в отношении избираемых претендентов, выявленные в исследуемых источниках, свидетельствуют о социальной значимости для мещан деятельности в сфере городского самоуправления. Занимая общественные

¹Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-09-00353/19).

*Адрес: 423812, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, просп. Мира, д. 68/19 (1/18); e-mail: bessonovatv@list.ru

Для цитирования: Бессонова Т.В. Повседневные практики общественной деятельности казанских мещан в системе городского самоуправления (конец XVIII – первая половина XIX века) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 6. С. 5–15. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.5

ИСТОРИЯ

должности, мещанство достаточно заметно участвовало в городской жизни, выполняя работу по удовлетворению реальных потребностей общества. Таким образом, повседневные практики общественной деятельности казанских мещан позволяют утверждать, что мещанство в значительной степени реализовывало права городского гражданства, данные этому сословию в результате реформ Екатерины II.

Ключевые слова: казанское мещанство, городское самоуправление, общественная должность, повседневные практики.

Сословный строй в России формировался постепенно, окончательно сложившись в XVIII веке. Серия узаконений, завершившаяся Жалованными грамотами дворянству и городам 1785 года, окончательно сформировала 4 сословия российского общества (дворянство, духовенство, городские обыватели и крестьянство), еще более четко оформленных «Законами о состояниях» 1832 года. Каждое сословие обладало выраженными сословными чертами: сословными правами, передаваемыми по наследству; специфическими социальными функциями, закрепленными в законе; корпоративными объединениями; правами самоуправления; самосознанием.

Мещанство представляло собой наиболее значительную по численности часть городских обывателей. Повседневная жизнь мещанина протекала в сфере как частной жизни, так и публичной деятельности. В настоящей статье анализ повседневных практик публичной жизни мещанина осуществлен на основе изучения форм и способов взаимоотношения мещанства с городской властью на примере губернского города Казани – крупнейшего торгово-промышленного центра, имеющего важное военно-административное значение для Российской империи. Казань предстает перед нами городом, который находится на вершине иерархии провинциального статуса и динамичное развитие которого как основывается на естественных модернизационных процессах, так и усугубляется вниманием государства к результатам своей политики на региональном уровне. В связи с этим можно заключить, что подобная среда для формирования и развития мещанства, задуманного властью как «средний род людей», являлась максимально благоприятной.

В некотором роде образ жизни казанского мещанства можно рассматривать как модель реализации замысла власти по конструированию данного сословия.

Давняя дискуссия в историографии о том, насколько применимо понятие «город» ко многим поселениям Российской империи, обходит стороной Казань, поскольку ее истинно городской статус никогда не вызывал сомнения. Образ жизни казанского мещанства мы исследуем именно как образ жизни горожанина, наиболее затронутого процессами урбанизационной эмансипации. Этот пример позволит расширить представление об особенностях развития российского города как сферы коммуникации власти и населения, а изучение практик общественной деятельности казанского мещанства даст возможность углубить понимание результатов формирования государством городского гражданства.

Для решения поставленной задачи использовались источники, отложившиеся в фондах Национального архива Республики Татарстан. Прежде всего это выборные дела за 1815–1817, 1820–1823, 1823–1825, 1830–1832, 1832–1835, 1835–1837, 1854–1857 годы [1], отражающие историю очередных выборов в органы местного самоуправления: баллотировочные списки, протоколы собраний, прошения кандидатов об устранении их от должности, жалобы и т. п. Отдельную группу источников представляют собой документы, характеризующие конфликтные ситуации, связанные с выборами и деятельностью мещан на общественных должностях, что позволяет определить отношение мещан к публичной деятельности.

Вопросы развития городского самоуправления дореформенного времени рассматривались

многими учеными либо как предмет специального исследования, либо как один из сюжетов истории города. В дореволюционной историографии детальнейшим образом были рассмотрены юридические аспекты городского самоуправления в контексте общей законодательной политики государства. Исключительно высоко оценивал Жалованную грамоту городам 1785 года Л.О. Плошинский, характеризуя законодательство Екатерины II как «конечную ступень развития городского состояния» [2, с. 208]. Изучая эволюцию законодательства XVIII века об устройстве города и городском самоуправлении, другие исследователи отмечали невысокий уровень самостоятельности городов в решении местных вопросов, ограничение их автономии государственной властью [3–6]. Однако екатерининские преобразования оценивались в целом положительно, подчеркивался просветительский характер реформы местного управления, которая была предпринята Екатериной II в 1775–1785 годах и в результате которой власть стала ближе к населению [7, 8].

Объединение мещан в отдельную корпорацию не только способствовало укреплению социальной идентичности, но и служило важным механизмом организации повседневного взаимодействия с властью на различных ее уровнях. Во всем многообразии работ, посвященных вопросу форм и способов взаимоотношений мещанства с властью и городским обществом, можно выделить две наиболее противопоставленные точки зрения.

Одни исследователи полагали, что мещанство в отличие от купечества было инертным в публичном пространстве, участвовало в городском самоуправлении скорее формально и вынужденно. П.Г. Рындзюнский объяснял это как общим бесправием городов в рамках господства полицейско-бюрократической системы, так и неготовностью самих горожан к активному участию в самоуправлении из-за слабого экономического развития многих городов, низкого культурного уровня жителей, бедственного положения значительной части жителей, особенно мещанства [9, с. 406–407].

Тем не менее отмечалось, что городское самоуправление в дореформенной России являлось откликом власти на процессы индустриального развития, а степень участия горожан и эффективность органов самоуправления отражали уровень буржуазного развития российских городов [10]. П.Г. Рындзюнский ввел в научный оборот понятие «городская жизнь», определив одну из ее важнейших сторон – «образ правления, предусматривающий участие в нем в какой-то мере и буржуазной общественности» [11, с. 108]. Однако в целом мнение советских историков сводилось к тому, что городского самоуправления в это время в полном смысле не существовало, поскольку отношения между государственной и выборной властью строились по принципу централизма, который предусматривал подчинение выборной администрации государству [12], а органы городского сословного самоуправления играли роль административно-хозяйственного придатка к аппарату администрации и полиции [13, с. 143; 14, с. 48].

Позиция других исследователей основана на мнении, что в дореформенное время купеческо-мещанское общество в значительной мере являлось тем «средним классом», создание которого было одной из целей екатерининской политики. «Общество градское» в действительности стало обществом городского сословия, городские думы были вполне демократическими органами, отстаивавшими сословные права городских обывателей, а мещанская община даже в крупных городах, где наиболее весомую роль в городском обществе играло купечество, достаточно активно участвовала в общественной жизни [15, с. 495–496]. Б.Н. Миронов в то же время отмечает часто встречаемое равнодушие городских сословных групп к участию в самоуправлении, объясняя эти противоречивые явления функциональным дуализмом органов местной власти. Думы и магистраты выполняли как официальные государственные функции, выступая частью имперской административной системы, так и неофициальные, имевшие целью удовлетворение реальных потребностей городского общества. В связи с этим и правительство,

и население смотрели на городское самоуправление как на обязанность и право, как на повинность и привилегию [15, с. 498].

Исследуя мещанскую повседневность провинциальных городов России через повседневные практики адаптации к импульсам власти, З.М. Кобозева пришла к заключению, что купеческо-мещанское общество в дореформенный период являло собой действенную систему городского гражданства и мещанству в городском самоуправлении принадлежала достаточно весомая роль. Большое количество местных вопросов, слишком мелких и незначительных для прямого государственного вмешательства, было для горожан важной частью повседневной жизни; методы и способы их решения представляют собой практики приспособления к заданным государством условиям жизни, что позволяло мещанам принимать активное участие в делах города [16, с. 17].

Во все сферы жизни дореформенного города был заложен принцип корпоративности. В основе городского гражданства были три главные сословные группы: купцы, мещане и цеховые ремесленники. Купечество являлось зажиточной городской верхушкой, обладавшей в зависимости от размера капитала особыми привилегиями в хозяйственной деятельности, было освобождено от подушной подати и рекрутской повинности. Основную массу рядовых горожан составляли мещане. Они отличались от купечества по имущественному состоянию, характеру хозяйственной деятельности и юридическим правам. Кроме того, мещане оставались податным сословием и платили подушную подать наравне с крестьянами. По отношению к мещанам дозволялись телесные наказания, от которых были избавлены купцы 1-й и 2-й гильдий. Купцы 3-й гильдии имели возможность откупиться от исполнения рекрутской повинности, заплатив установленную сумму при рекрутском наборе; мещане исполняли повинность по-прежнему.

Согласно сословным группам было устроено и городское самоуправление. В его основе лежала трехступенчатая система, первым элементом которой было собрание городского

общества, где имели право присутствовать все городские обыватели, но правом голоса обладали только лица, имеющие капитал, с которого в казну поступал взнос не менее 50 р. Таким образом, в действительности в решении важных городских вопросов участвовало только купечество. Общая дума формировалась в результате выборов в каждой отдельной группе городских граждан, и ее возглавлял городской голова, а шестигласная дума была распорядительным органом, в который входили по одному гласному от каждой сословной группы горожан. Административное управление в корпорациях осуществляли гильдейский и мещанский старосты, ремесленный глава.

Общественные должности в городском обществе дореформенной России существовали как на уровне самоуправления, так и в системе государственного управления городом. Выборными органами государственного городского управления являлись магистрат, сиротский и совестный суд, куда на каждое трехлетие выбирались представители от городского гражданства. Также на трехлетие выбирались заседатели в палаты уголовного и гражданского судов, в приказ общественного призрения и градскую полицию. Кроме того, с учетом этноконфессиональной специфики города в 1781 году по указу Екатерины II в Казани была создана Татарская ратуша – она просуществовала до 1853 года как административно-хозяйственный и судебно-надзорный орган, ведавший делами татарских купцов и мещан. А.К. Семенов, отмечая сложный характер взаимоотношений между думами и магистратами (ратушами), считает их равновесными силами, над которыми в одинаковой мере возвышалась губернская администрация [14, с. 81–82].

Таким образом, мещанство как часть городского гражданства должно было принимать участие в городском управлении и самоуправлении, представленном различными должностями. В глазах горожан эти должности имели различную степень привлекательности. Согласно выводам А.И. Куприянова, иерархия выборных должностей выглядела следующим образом: 1 – голова; 2 – заседатели совестного суда;

3 – заседатели уголовной палаты; 4 – заседатели гражданской палаты; 5 – бургомистры магистрата; 6 – ратманы магистрата; 7 – члены думы; 8 – депутаты квартирной комиссии. Ступенью ниже находились выборные должности, замещаемые ежегодно: городской староста, кандидаты (товарищи) к нему, члены городского словесного суда и частные словесные судьи (избираемые для каждой части города) [17, с. 289].

При рассмотрении выборных дел за указанный период обращает на себя внимание тот факт, что практически все должностные лица в Казани являлись купцами, мещан был только необходимый минимум: ратманы, мещанский староста с помощниками, по одному гласному в думу от каждой части города, словесный судья. Остальные депутаты представляли купечество, исключительно из купцов состоял городской магистрат. Следовательно, казанское мещанство – в силу значительного количества и высокого экономического статуса купцов – было в общем-то отодвинуто от участия в принятии управленческих решений. Борьба за власть над городским обществом, о которой писал в своем исследовании А.И. Куприянов [17, с. 324], была, как правило, прерогативой казанского купечества. Однако и мещане не были равнодушны к перспективе занять место в системе городского управления. Так, на выборах 1815 года на одно место ратмана претендовали 2 мещанина, в словесные судьи по 3-й части – 3 чел. на место, причем результаты голосования свидетельствуют о весьма острой борьбе: Габбас Абдулов Беляев получил 67 голосов «за» и 11 «против», Булат Сайтов – 66 и 12, Измаил Сулейманов – 65 и 13 соответственно [18, л. 54–55].

Интерес к участию в общественных должностях проявлялся и в фактах семейственности. В 1815 году после отказа гласного Михайлы Кафтанникова от участия в службе дума велела мещанскому старосте Егору Бердникову прислать новый баллотировочный список: в нем значились три претендента, одним из которых был сын Бердникова Изот [18, л. 196]. На выборах в 1826 году купец 2-й гильдии Василий Якимов Заусайлов был избран городским головой,

его сын Андрей – гласным от купцов 2-й гильдии, а гласным от мещан – брат Иван. Подобные примеры свидетельствуют о попытках формирования родственных кланов в системе местной власти. Горожане были неравнодушны к подобным несправедливым, по их мнению, ситуациям и пытались бороться с проявлениями nepотизма. На одном из заседаний думы был поставлен вопрос о том, насколько правомочным можно считать избрание в думу родственников. В результате дискуссии такие явления были признаны незаконными, о чем направили жалобу губернатору, однако дума ответ от правления не получила, срок трехлетия уже подходил к концу и состав депутатов остался неизменным [19].

Деятельность Городской думы находилась под полным контролем казанского купечества, которое выстраивало стратегии управления в рамках, дозволенных существовавшей системой. Мещане же, участвуя в работе Думы, занимались практическими вопросами, направленными на удовлетворение местных нужд, что было частью повседневной жизни, той реальной деятельностью, благодаря которой функционировали город и городское общество. В отчете гласного думы мещанина Михаила Чернова о проделанной работе в 1857 году значилось: «...наблюдение за поставкой камня и песку; сбор акциза за места под качели и прочие увеселения; освидетельствование 2-х планов на места; воспрещение крестьянам доставлять камень дурного качества; сбор акцизов с торговых мест и временных мест по Булаку; о проверке доходов, получаемых с двух домов; о проверке оценочной табели купца Юнусова; сбор акцизов за распродажу по Булаку; об отводе анбара для складки посуды купцу; дознание с гласным Новиковым по делу крестьянина; освидетельствование 2-х мест» [20].

В системе городского управления также было достаточно много выборных общественных служб, неоплачиваемых, но требовавших постоянной ответственной и обременительной работы, отвлекающих от собственных дел и потому непопулярных среди горожан. Это были

помощники мещанского старосты по городским частям, сборщики полицейской повинности, окладчики по сбору податей, ценовщики по оцениванию недвижимости для определения размера выплат на полицейскую повинность, рекрутские старосты, ратманы городской полиции, депутаты квартирной комиссии. Занимая указанные должности, мещане постоянно сталкивались с городскими жителями, чаще всего по малоприятным поводам: требование недоимок, исполнение постоянной или рекрутской повинности.

Мнение мещан о занимаемых должностях и общественных обязанностях было неоднозначным. С одной стороны, отношение к общественной работе у многих было крайне прохладным. Обременение публичной должностью в ущерб собственным делам являлось главным аргументом отказа от участия в выборных должностях. Как только заканчивались выборы, сыпались прошения избранных мещан об освобождении их от службы. Так, уже через 5 месяцев после избрания в 1815 году гласный Кафтанников просил его освободить «в связи с расстройством в делах и по болезни» [18, л. 196–196 об.]. Мещанин Халилов в 1846 году вообще самовольно уехал на Нижегородскую ярмарку, объясняя впоследствии, что от нее зависит его благосостояние, при этом он не передал дела, не подготовил отчетную книгу, вернулся только через 3 месяца и отговорился болезнью. При рассмотрении дела в палате уголовного суда выяснилось, что «Халилов и до отлучек ничем не занимался и не нанимал за себя писца по незнанию хорошо им самим русской грамоты». Решением палаты он был уволен от должности «в качестве наказания» [21].

Нередко после состоявшихся выборов вопрос о заполнении вакансий на общественные должности оставался открытым, поскольку многие старались уклониться от исполнения подобной службы. Баллотировочная комиссия при избрании ценовщиков на 1820 год прямо уговаривала остаться на второй срок уже бывших в этой должности людей, «так как обществу казанских купцов, мещан и цеховых

довольно известно, что возложенная на избранных на 1819 год годовыми ценовщиками означенных купцов и мещан им есть нimalo неотвратительна, поелику оными кроме домов и лавок (и то в самом малом количестве) [,] заложённых по откупам и подрядам [,] никаких других оценок производимо не было [,] почему общество, не почитая сию службу им обременительною, за нужное признает и оставить и на 1820 год при оной, яко людей заслуживших и заслуживающих общее доверие» [22].

Поскольку проблема наполнения общественных должностей была постоянной, прошения об отставке часто не удовлетворялись. Петр Лоскутов был избран в базарные смотрители, и сразу же последовало его прошение об освобождении от должности: «...со времени причисления в казанское мещанство в Казани торгом не занимался а проживал по паспорту а стал только торговлею рыбою заниматься с ноября 1843 г. да сверх того от роду мне уже 55 лет и слабое здоровье совершенно исправлять оной должности не могу». Ответ думы был категоричен: «...можно заключать, что он прежде не был обеспокоен выбором в должности, имение от роду 60 лет по законам во уважение принять нельзя и о слабости здоровья без лекарского свидетельства заключить нельзя» [23].

С другой стороны, какой бы ни была должность, к ней относились уважительно. Это видно по озвученным мещанами весьма веским причинам невозможности качественно исполнять обязательства. Так, после выборов в 1830 году мещанин Филатов подал прошение, в котором отмечал, что не отказывается от должности ратмана, но пока обязан контрактом управлять заводом и сначала должен передать дела по доверенности, а это медленная процедура, поэтому просит отложить вступление в должность до будущего трехлетия. Избранный в то же время Калмыков сообщал, что, «приемля выбор общества в особенное себе одолжение и честь [,] хотел бы исполнить волю онаго, но никак не может», поскольку имеет контракт с казенными местами на постройку разных зданий [24].

Несмотря на отговорки многих избранных кандидатов, мещанское общество придирчиво рассматривало претендентов, стараясь передать управленческие полномочия наиболее достойным гражданам. При избрании общество отдавало предпочтение лицам, имеющим собственный дом, крепкое хозяйство, успешный заработок. Немаловажную роль играло общественное мнение, сложившееся о кандидате. Так, по отношению к мещанину Ибрагиму Абдюшеву, предложенному на должность словесного судьи, собрание особенно подчеркнуло, что он «поведения хорошего и возлагаемую на него должность исправлять может» [25, л. 63 об.]. На выборах в словесные судьи по 3-й части города в 1852 году общество проголосовало за Мустафу Ибрашева, однако, когда полицмейстер проверил баллотировочные списки, обнаружилось, что Ибрашев почти 30 лет назад, в 1823 году, проходил подозреваемым в краже лошади. На запрос Татарской ратуши Ибрашев ответил, что под подозрением «никогда не состоял и под судом по этому делу не был», тем не менее он был «от выборной должности отрешен, так как недостойн» [25, л. 67].

Особая выборная должность – депутат по решению общественных дел – требовала присутствия мещан на собраниях общества. Депутаты от общества должны были довольно часто являться на голосования, когда требовался мирской приговор. На собраниях проходили выборы на общественные должности, в т. ч. довыборы за выбывших, рассматривались ситуации исключения из городского мещанского общества и высылки, отдачи в работный дом, составлялись ответы на различные запросы думы, решались прочие, весьма разнообразные вопросы. Посещали подобные мероприятия крайне неохотно. Так, в 1822 году во исполнение решения думы мещане, имеющие в городе недвижимость, под подпись были уведомлены о необходимости прийти в собрание для избрания депутатов для учреждения Комитета о полицейской повинности. Первоначально удалось собрать всего 17 подписей, и только после подключения полиции их число возросло до 74 [26]. К хождению

в присутствие относились тоже не слишком ответственно. На очередном заседании Ратуши в повестке дня был опрос ратушного секретаря «по случаю редкого его хождения к исправлению своей должности, а особливо в утренние часы» [27]. Качество выполняемой работы также часто было невысоким. В 1830 году казанская квартирная комиссия отправила донесение в губернское правление о том, что «3-й месяц в ней нет депутатов ни от дворянства, ни от купечества». Гласный думы мещанин Корвин – «человек едва грамотный и совершенно не имеющий никакого понятия о распорядке по квартирной части, а потому нисколько не полезный» [28].

В 1847 году мещанская контора рапортовала в думу, что решение отправить в полицию всех не платящих государственных податей выполнил только помощник полицмейстера мещанин Иванов, «прочие помощники о взыскании податей и недоимки нисколько не обязательны». Избранные в 1846 году сборщиками полицейской повинности Файзулла Рахматуллин и Баязит Хамитов «за всеми своевременными настояниями со стороны членов думы и побуждениями [,] делаемыми по отношениям думы г-ном казанским полицмейстером [,] во взыскании недоимок действуют весьма слабо», Хамитов же вообще «доселе денег нисколько в думу не представлял и по повесткам в думу не является». Сами горожане тоже нередко жаловались губернским властям на должностных лиц, указывая на ошибки в оценке недвижимости, несоблюдение процедур очередности при исполнении повинностей и т. п.

По-видимому, постоянные затруднения в выполнении выборных должностей привели к тому, что одни и те же лица и члены их семей неоднократно за свою жизнь исполняли общественные обязанности. Например, Семен Красильников в 1841 году был сборщиком полицейской повинности, с 1842 по 1848 год – депутатом по решению общественных дел. Его брат Матвей непрерывно служил на общественное благо в течение 10 лет: с 1848 по 1851 год – окладчиком по сбору податей, с 1851 по 1854 год – депутатом по

решению общественных дел, а с 1854 по 1857 год – гласным Городской думы [29, л. 568]. Матвей Михайлов в 50-летнем возрасте был выбран гласным в Городскую думу на период с 1839 по 1842 год, а его сын Дмитрий занимал эту же должность с 1857 по 1860 год, получив ее в 32 года [29, л. 734]. Как правило, должности каждый раз были разными, чаще всего с постепенным повышением статуса. Так, мещанин Дормидонт Матишев в 43 года стал гласным думы на трехлетие (1857–1860), отслужив до этого в 1848 году сборщиком полицейской повинности, а затем рекрутским старостой [29, л. 482]. При этом более 60 % тех, кто был занят на общественной службе, имели собственные дома; следовательно, в управлении обществом принимали участие наиболее состоятельные и твердо стоящие на ногах люди. Тем не менее слишком частое употребление в общественных должностях вызывало раздражение. Мещанин Зайкин жаловался в губернское правление: «...я исправлял уже многожды общественные службы, а именно в 1842 году был помощником старосты по сбору податей, с 1844 по 1847 год общественным депутатом, в 1848 году отдатчиком в рекруты и наконец по сие время с 1850 г. состою опекуном при имении умершего мещанина Юсупа Ишамбаева; дома же собственного я не имею» [30].

Таим образом, мещанство принимало заметное участие в городском управлении. Казанские мещане занимали невысокие должности, но именно на их уровне велась повседневная работа по управлению городом и поддерживался городской порядок. Наполнение выборных должностей – в значительной мере демократический процесс, в котором мещане отстаивали не только личные, но и общественные интересы. Отношение к указанной деятельности было двояким. Уважая власть, в определенной степени гордясь оказанным доверием общества, воспринимавшимся как социальное признание, с рациональной точки зрения мещане оценивали отвлечение на решение общественных проблем как негативную сторону публичной деятельности. Общественная инертность мещанства, неоднократно зафиксированная в литературе, является не социальным качеством сословия, а естественной реакцией человека, не видящего особой выгоды от подобной деятельности. Тем не менее мещане как часть городского гражданства участвовали в удовлетворении реальных потребностей городского общества, что было одной из сторон повседневной жизни данного сословия.

Список литературы

1. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 114. Оп. 1. Д. 148, 277, 411, 833, 1140, 1571, 2349, 3506.
2. *Плошинский Л.О.* Городское или среднее состояние русского народа, в его историческом развитии, от начала Руси до новейших времен. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1852. 286 с.
3. *Дитятин И.И.* Устройство и управление городов России: в 2 т. Т. 1. Введение; Города России в XVIII столетии. СПб.: Тип. П.П. Меркульева, 1875. 508 с.
4. *Дитятин И.И.* Устройство и управление городов России: в 2 т. Т. 2. Городское самоуправление в настоящем столетии. Ярославль: Тип. Г.В. Фальк, 1877. 565 с.
5. *Кизеветтер А.А.* Посадская община в России XVIII ст. М.: Унив. тип., 1903. 810 с.
6. *Кизеветтер А.А.* Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария. М.: Тип. Императ. Моск. ун-та, 1909. 473 с.
7. *Григорьев В.* Реформа местного управления при Екатерине II. (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.). СПб.: Рус. скоропечатня, 1910. 387 с.
8. *Градовский А.Д.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. Начала русского государственного права. Ч. 3. Органы местного управления. 1908. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899–1908. 599 с.
9. *Рындзюнский П.Г.* Городское гражданство дореформенной России. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 559 с.

10. Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М.: Наука, 1967. 335 с.
11. Рындзюнский П.Г. Основные факторы городского образования в России второй половины XVIII в. // Русский город. Историко-методологический сборник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 105–127.
12. Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. 197 с.
13. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: РГГУ, 2008. 710 с.
14. Семенов А.К. Городское самоуправление провинциальных городов России и задачи имперской модернизации в конце XVIII – начале XX вв. Липецк: Липец. экол.-гуманит. ин-т, 2005. 201 с.
15. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.
16. Кобозева З.М. Мещанская повседневность провинциальных городов России во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2015. 738 с.
17. Курприянов А.И. Культура горожан русской провинции конца XVIII – первой половины XIX в.: опыт межрегионального исследования: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007. 658 с.
18. ГАРТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 148.
19. ГАРТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 544. Л. 1–3.
20. ГАРТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 2896. Л. 2–2 об.
21. ГАРТ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 78. Л. 20.
22. ГАРТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 261. Л. 2.
23. ГАРТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 1686. Л. 97–98.
24. ГАРТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 277. Л. 42–42 об.
25. ГАРТ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 424.
26. ГАРТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 364. Л. 3–4.
27. ГАРТ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 55. Л. 218.
28. ГАРТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 833. Л. 360.
29. ГАРТ. Ф. 570. Оп. 1. Д. 1.
30. ГАРТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 3506. Л. 4 об.

References

1. *State Archives of the Republic of Tatarstan (SART)*. Coll. 114. Inv. 1. Fols. 148, 277, 411, 833, 1140, 1571, 2349, 3506.
2. Ploshinskiy L.O. *Gorodskoe ili srednee sostoyanie russkogo naroda, v ego istoricheskom razviti, ot nachala Rusi do noveyshikh vremen* [The Urban Population of Russia in Its Historical Development, from the Dawn of Rus' to Contemporary Times]. St. Petersburg, 1852. 286 p.
3. Dityatin I.I. *Ustroystvo i upravlenie gorodov Rossii. T. 1. Vvedenie; Goroda Rossii v XVIII stoletii* [The Organization and Government of Russian Towns. Vol. 1. Introduction; Russian Towns in the 18th Century]. St. Petersburg, 1875. 508 p.
4. Dityatin I.I. *Ustroystvo i upravlenie gorodov Rossii. T. 2. Gorodskoe samoupravlenie v nastoyashchem stoletii* [The Organization and Government of Russian Towns. Vol. 2. Municipal Self-Government in This Century]. Yaroslavl, 1877. 565 p.
5. Kizevetter A.A. *Posadskaya obshchina v Rossii XVIII st.* [The Posad Community in Russia in the 18th Century]. Moscow, 1903. 810 p.
6. Kizevetter A.A. *Gorodovoe polozhenie Ekateriny II 1785 g. Opyt istoricheskogo kommentariya* [1786 Municipal Statutes by Catherine II: A Historical Commentary]. Moscow, 1909. 473 p.
7. Grigor'ev V. *Reforma mestnogo upravleniya pri Ekaterine II. (Uchrezhdenie o guberniyakh 7 noyabrya 1775 g.)* [Local Government Reform Under Catherine II. (Act on Provinces of November 7, 1775)]. St. Petersburg, 1910. 387 p.
8. Gradovskiy A.D. *Sobranie sochineniy. T. 9. Nachala russkogo gosudarstvennogo prava. Ch. 3. Organy mestnogo upravleniya. 1908* [Collected Works. Vol. 9. The Origins of the Russian State Law. Pt. 3. Local Government Bodies. 1908]. St. Petersburg, 1899–1908. 599 p.
9. Ryndzyunskiy P.G. *Gorodskoe grazhdanstvo doreformennoy Rossii* [Urban Citizenship of Pre-Reform Russia]. Moscow, 1958. 559 p.

10. Klokman Yu.R. *Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya russkogo goroda. Vtoraya polovina XVIII v.* [The Socio-Economic History of the Russian Town: Second Half of the 18th Century]. Moscow, 1967. 335 p.

11. Ryndzyunskiy P.G. *Osnovnye faktory gorodoobrazovaniya v Rossii vtoroy poloviny XVIII v.* [Key Factors of Town-Formation in Russia in the Second Half of the 18th Century]. *Russkiy gorod. Istoriko-metodologicheskii sbornik* [The Russian Town. A Historical and Methodological Collection]. Moscow, 1976, pp. 105–127.

12. Rabtsevich V.V. *Sibirskiy gorod v doreformennoy sisteme upravleniya* [Siberian Town in the Pre-Reform Government System]. Novosibirsk, 1984. 197 p.

13. Eroshkin N.P. *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolyutsionnoy Rossii* [The History of State Institutions of Pre-Revolutionary Russia]. Moscow, 2008. 710 p.

14. Semenov A.K. *Gorodskoe samoupravlenie provintsial'nykh gorodov Rossii i zadachi imperskoy modernizatsii v kontse XVIII – nachale XX vv.* [Municipal Self-Government in Russian Provincial Towns and the Tasks of Imperial Modernization in the Late 18th – Early 20th Centuries]. Lipetsk, 2005. 201 p.

15. Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX vv.)* [The Social History of Imperial Russia (18th – Early 20th Centuries)]. St. Petersburg, 2003. Vol. 1. 548 p.

16. Kobozeva Z.M. *Meshchanskaya povsednevnost' provintsial'nykh gorodov Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [The Petty Bourgeois Everyday Life of Russian Provincial Towns in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Diss.]. Saratov, 2015. 738 p.

17. Kupriyanov A.I. *Kul'tura gorozhan russkoy provintsii kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX v.: opyt mezhhregional'nogo issledovaniya* [The Culture of the Townspeople of the Russian Province in the Late 18th – First Half of the 19th Centuries: An Interregional Research: Diss.]. Moscow, 2007. 658 p.

18. *SART*. Coll. 114. Inv. 1. Fol. 148.

19. *SART*. Coll. 114. Inv. 1. Fol. 544. Ff. 1–3.

20. *SART*. Coll. 114. Inv. 1. Fol. 2896. F. 2–2 back.

21. *SART*. Coll. 13. Inv. 1. Fol. 78. F. 20.

22. *SART*. Coll. 114. Inv. 1. Fol. 261. F. 2.

23. *SART*. Coll. 114. Inv. 1. Fol. 1686. Ff. 97–98.

24. *SART*. Coll. 114. Inv. 1. Fol. 277. F. 42–42 back.

25. *SART*. Coll. 22. Inv. 1. Fol. 424.

26. *SART*. Coll. 114. Inv. 1. Fol. 364. Ff. 3–4.

27. *SART*. Coll. 22. Inv. 1. Fol. 55. F. 218.

28. *SART*. Coll. 114. Inv. 1. Fol. 833. F. 360.

29. *SART*. Coll. 570. Inv. 1. Fol. 1.

30. *SART*. Coll. 114. Inv. 1. Fol. 3506. F. 4 back.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.5

Tat'yana V. Bessonova

Branch in Naberezhnye Chelny, Kazan (Volga Region) Federal University;
prosp. Mira 68/19 (1/18), Naberezhnye Chelny, 423812, Respublika Tatarstan, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4808-0025> e-mail: bessonovatv@list.ru

DAILY PRACTICES OF PUBLIC ACTIVITIES OF THE KAZAN PETTY BOURGEOISIE IN THE MUNICIPAL GOVERNMENT SYSTEM (Late 18th – First Half of the 19th Centuries)

This article analysed archival sources concerning local elections and activities of petty bourgeois in public office. These documents are kept in the collections of the City Duma and the Tatar City Hall

For citation: Bessonova T.V. Daily Practices of Public Activities of the Kazan Petty Bourgeoisie in the Municipal Government System (Late 18th – First Half of the 19th Centuries). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 6, pp. 5–15. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.5

of the State Archives of the Republic of Tatarstan. In addition, the paper investigated the attitude of the petty bourgeois living in Kazan to public service. This class of people, like other town dwellers, had the right to participate in municipal self-government, the sphere that during the pre-reform period was quite clearly divided between merchants, who held all the significant posts, and petty bourgeois, located at the bottom of the administrative hierarchy just like guild craftsmen. Having studied the daily practices of Kazan petty bourgeois in municipal self-government, the author points out the controversial nature of their attitude towards public activities. On the one hand, townspeople were generally unwilling to get involved in self-government due to incompetence or low level of education and clearly reluctant to burden themselves with public work to the detriment of their own affairs, which often resulted in shortage of election candidates. On the other hand, municipal government did concern the petty bourgeois, many of whom repeatedly held elective posts during their lifetime. The respect for public office and the society's scrutiny of candidates identified in the sources under study indicate that involvement in municipal government was socially important for the petty bourgeois. While holding public posts, they took an active part in the life of the town by making efforts to meet the real needs of the community. Thus, it can be concluded that the petty bourgeoisie in Kazan to a large extent exercised the rights of urban citizenship granted to this class as a result of the reforms of Catherine II.

Keywords: *Kazan petty bourgeoisie, municipal self-government, public office, daily practices.*

Поступила: 15.05.2019

Принята: 26.09.2019

Received: 15 May 2019

Accepted: 26 September 2019